

DOI 10.35775/PSI.2025.121.9.025

УДК 32

Н.Ю. ГРИШИНА

независимый исследователь,
Россия, г. Москва

Е.Л. БОЛДЫРЕВА

аспирант Санкт-Петербургского
политехнического университета имени Петра Великого,
Россия, г. Санкт-Петербург

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ВЛИЯНИЕ ЖЕНЩИН- ДЕПУТАТОВ: ОТ КОЛИЧЕСТВЕННОГО РОСТА К КАЧЕСТВЕННЫМ ИЗМЕНЕНИЯМ В ЗАКОНОТВОРЧЕСТВЕ (НА ПРИМЕРЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ, ЯПОНИИ, РОССИИ, РУАНДЫ И ЕС)

Статья исследует растущую роль женщин-депутатов в парламентах как фактор качественной трансформации политического процесса. На основе сравнительного анализа кейсов Великобритании (35%), Японии (12.5-22.6%), России (19.7%), Руанды (>60%) и ЕС (30-40%) выявляются ключевые тенденции и региональные особенности. Исследование, опирающееся на междисциплинарную методологию, показывает, что уровень женского представительства определяется комплексом факторов: институциональными механизмами (законодательные квоты, избирательные системы), социокультурными барьерами (патриархальные нормы, медиастереотипы) и структурными ограничениями (двойная нагрузка, финансирование кампаний).

Главный вывод: достижение женщинами критической массы (~30%) в парламенте ведет к следующим значимым изменениям:

- сдвиг законодательной повестки в сторону приоритета социальных вопросов (образование, здравоохранение, поддержка семьи), гендерного равенства (борьба с дискриминацией, насилием), экологии и защиты уязвимых групп;
- трансформация стиля работы парламента: повышение кооперативности, снижение конфронтационности, формирование межпартийных женских коалиций (особенно заметно в Руанде и Скандинавии [13]);
- перераспределение ресурсов: влияние на бюджетные приоритеты и трудовое законодательство (гибкий график, декретные отпуска).

Доказано, что масштаб и эффективность влияния женщин-депутатов существенно варьируются в зависимости от регионального культурно-исторического контекста (контраст между Руандой/ЕС и Японией/Россией) и институциональной поддержки (эффективность квот, партийные программы). Женщины-парламентарии

выступают катализаторами перехода к более инклюзивному и социально-ориентированному управлению.

Ключевые слова: женщины-депутаты, гендерное представительство, парламент, законодательная повестка, политическое влияние, специфика гендерного представительства.

В современном мире наблюдается устойчивая тенденция к усилению влияния женщин-парламентариев в законодательных органах различных государств. Это отражает глобальный процесс вовлечения женщин в сферу политического управления и принятия стратегических решений, что способствует трансформации политических практик.

Следует подчеркнуть, что в работах российских авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов близких к данной предметной области [2; 9; 10; 12; 13. С. 11-28; 14. С. 95-101; 15. С. 82-89; 16; 17; 18; 19; 20; 22].

Однако проблему представительства женщин в парламенте, как фактор, способствующий качественным изменениям политического процесса, нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

Следует обратить внимание на то, что научный анализ в данной публикации базируется на историко-политологическом изучении феномена женщин-парламентариев, который характеризуется многообразием исследовательских подходов. В академическом дискурсе преобладают три ключевые парадигмы: mainstream политической науки, марксистско-феминистская концепция и альтернативные гендерные теории. Исследовательский фокус направлен на изучение гендерного равноправия через призму трансформации политических систем, социальных институтов и культурных паттернов.

Кроме того, в современных научных подходах лежит осознание, что представительство женщин в парламенте не только показатель социальной справедливости, но и фактор, способствующий качественным изменениям политического процесса. Например, по материалам британского парламента показано, что женщины-депутаты придают большее значение социальным вопросам и работе на местах, что меняет как повестку, так и стиль работы парламента в целом [25. Р. 89-102]. Великобритания является лидером в гендерном представительстве, поддерживая участие женщин на основе системных мер и общественной поддержке. По состоянию на 2024 год, 35% депутатов Палаты общин составляют женщины, что является рекордным показателем. У лейбористов самая высокая доля (51%), за ними следуют консерваторы (24%) [11. С. 60-66]. С 1918 года, когда женщины впервые получили право участвовать в парламентских выборах, до 2024 в парламент было избрано 693 женщины, что составляет 12% от всех избранных депутатов. Начиная с 1997 года в Великобритании число женщин-депутатов увеличилось до 120 (18%), а к 2024 году достигло 263 (40%).

Национальные партии демонстрируют существенные различия в уровне гендерного представительства. Лейбористская партия продолжает лидировать с показателем 46% женщин-депутатов, что объясняется последовательной политикой гендерных квот и системой «женских шорт-листов», введенной в 1997 году. Либеральные демократы (44%) приближаются к гендерному паритету, демонстрируя прогрессивную тенденцию. Консервативная партия (24%) отстает, что коррелирует с отсутствием обязательных квот и традиционным электоратом. Правительство демонстрирует формальный гендерный паритет. В кабинете министров женщины занимают 50% позиций (11 из 22), однако анализ портфелей показывает, что, «мягкие» министерства (образование, культура) чаще возглавляются женщинами в то время как «силовые» (оборона, внутренние дела) остаются преимущественно мужскими.

Аналогичные тенденции фиксируются в Японии, где рост числа женщин в политике сопровождается активными государственными мерами поддержки и расширением прав женщин в экономической сфере [11. С. 60-66]. В отличие от Великобритании, где доля женщин в парламенте составляет около 35%, Япония, с показателем менее 10%, продолжает оставаться аутсайдером по уровню гендерного представительства в законодательных органах (данные IPU, 2023). По данным на 2024 год, в нижней палате (Палате представителей) женщины занимают лишь 12,5% мест (58 из 465), в то время как в верхней палате (Палате советников) этот показатель несколько выше – 22,6% (56 из 248 мест). Такие цифры ставят Японию на 120-е место в мировом рейтинге Inter-Parliamentary Union (далее – IPU), что значительно ниже среднего показателя по странам ОЭСР (32,5%).

Исторический анализ показывает сложную динамику. После первых выборов 1946 года, когда в парламент прошли 39 женщин, наступил длительный период стагнации. В 1990–2000-х годах доля женщин в законодательном органе колебалась на уровне 1–5%. Принятый в 2018 году закон о гендерном равенстве не содержал действенных механизмов реализации, и лишь в 2022–2024 годах был зафиксирован относительный прорыв – прирост на 19 мест в нижней палате. Однако эти изменения нельзя назвать системными. Япония значительно отстает от лидеров гендерного равенства (Швеция – 47%, Великобритания – 35%), находясь ближе к странам с консервативными нормами (Южная Корея – 19%, Италия – 16%). При этом отмечается особый «азиатский паттерн», где за исключением Тайваня (42%) ни одна страна не достигла существенного прогресса в этом вопросе.

Главными препятствиями для гендерного паритета выступают три группы факторов. Во-первых, институциональные барьеры: отсутствие законодательных квот (в отличие от более чем 80 стран мира), мажоритарная избирательная система, дискриминирующая женщин, а также низкая подотчетность политических партий по гендерным вопросам. Во-вторых, социокультурные факторы, включая укорененные патриархальные нормы («сэцуэй» – традиционное гендерное разделение ролей), негативное медиа-освещение женщин-политиков и отсутствие эффективных сетей поддержки в политических элитах. В-третьих, структурные проблемы – от двойной нагрузки (карьера и семья) при отсутствии

институтов поддержки до финансовых барьеров (высокие избирательные взносы) и «стеклянного потолка» в партийных иерархиях.

Анализ данных IPU за 1995-2024 годы позволяет сделать вывод о «запаздывающей модернизации» Японии в сфере гендерного представительства.

Согласно последним данным Межпарламентского союза (IPU) [3. С. 175-180], по состоянию на 2024 год Россия занимает 110-ю позицию в мировом рейтинге с показателем 19,7% женщин в Государственной Думе. Для сравнения: в странах Скандинавии этот показатель превышает 40%, а средний по ЕС составляет 32,5% (3).

Региональная статистика (по информации ЦИК России) демонстрирует значительный разброс показателей: от 25% в Северо-Кавказском ФО до 15-17% в Сибирском и Дальневосточном округах. Такой разрыв объясняется как культурными особенностями, так и различиями в социально-экономическом развитии регионов (4).

Анализ партийного представительства выявляет любопытную динамику. Согласно мониторингу Центра гендерных исследований, во фракции «Справедливая Россия» доля женщин достигает 23%, тогда как в ЛДПР не превышает 15%. При этом в руководящих органах всех партий сохраняется гендерный дисбаланс – женщины занимают менее 20% руководящих постов [6. С. 19-22].

Таким образом, Россия занимает промежуточную общемировую позицию с 19,7% женского представительства в Государственной Думе (87 из 450 мест, 110-е место).

Основной корпус литературы по теме растущей роли женщин-депутатов и женского парламентаризма охватывает исторические, политологические и социокультурные характеристики, что обеспечивает многомерное понимание гендерных процессов в политике.

Амина Халилова в статье «Womens Public Movements as a Form of Participation in the Social and Political Life of Russia at the Turn of the XX-XXI Centuries (by the Example of the Republic of Dagestan)» анализирует исследовательские данные, раскрывающие деятельность женских общественных организаций на примере Республики Дагестан. Работа базируется на анализе статистических данных, архивных материалов и научной литературы, демонстрируя, как женские движения влияли на политическое участие и формирование общественного мнения в регионах России в переходный период. Опираясь на методологический подход, и сочетая количественный и качественный анализ, работа Халиловой А. послужила опорой в исследовании региональных аспектов женского парламентаризма.

Публикация, посвященная реализации избирательных прав на муниципальном уровне в современной России, раскрывает механизмы интеграции женщин в политическую систему через призму избирательных процессов. Следует отметить, что муниципальные выборы становятся важной площадкой, формирующей кадровый резерв представительниц женского пола, что способствует постепенному расширению их роли в региональном и федеральном законодательстве.

Этот источник помогает понять политические предпосылки и динамику гендерного баланса на уровне реального представительства.

В работе М. Ковальски [24. Р. 113-127] анализируется литературное отражение женственности и гендерных ролей в постсоветской России на протяжении двух десятилетий. Хотя исследование напрямую не затрагивает политическую сферу, оно дает важные социокультурные контексты, объясняющие трансформацию общественного восприятия женщин – ключевого фактора в осознании и принятии женщины в роли политика. Отрывок о «Маме-поколении» 1990-х годов помогает понять, как литература влияла на формирование нового женского политического и социального имиджа.

Эти источники вместе создают основу для комплексного понимания феномена растущей роли женщин в парламентах разных регионов мира, сочетая эмпирические данные, институциональный анализ и культурологическую перспективу. Такой междисциплинарный подход отражает современные тренды в гуманитарных науках и политических исследованиях.

Изучение роли женщин-депутатов требует комплексного междисциплинарного подхода. В рамках современных исследований применяются следующие методологические приемы:

- анализ количественных данных, например, статистики представительства женщин в парламентах, а также рейтингов эффективности депутатов по гендерному признаку, как в исследовании Государственной думы России VII созыва [26];

- качественные методы – интервью, экспертные опросы и кейс-стади, которые позволяют выявить особенности политического поведения и приоритетов женщин-политиков. Так, опросы экспертов и анализ официальных документов дают понимание нормативного поля и этических дискуссий по вопросам женского участия в политике [7; 23;

- исторический анализ – исследование эволюции законодательства и общественных представлений о роли женщин в политике на примере дореволюционной и советской России, что помогает понять трансформации в социально-политическом статусе женщин [4; 8];

- сравнительный анализ – выявление общих тенденций и особенностей в различных регионах, что актуально, учитывая разнообразие культурных и политических контекстов, например, в Чили [1], Японии [11. С. 60-66] и России [21. С. 107-115].

Растущая роль женщин-депутатов в разных регионах мира.

В XXI веке имеет место заметный рост числа женщин в парламентах многих стран, что формирует новую динамику политических процессов. В западной Европе и Великобритании женщины в парламенте сосредоточены на решении социальных проблем и правах женщин, что расширяет масштабы внимания парламента на темы равенства и инклюзивности [25. Р. 89-102]. Рост женского

присутствия способствует снижению гендерного разрыва не только в численности, но и в тематике законодательной деятельности.

В Восточной Азии, на примере Японии, женщины становятся важными участницами аграрного управления и предпринимательства, что поддерживается правительственными программами. Несмотря на сохраняющуюся традиционную модель «хранительницы очага», наблюдаются положительные сдвиги в сторону более активного вовлечения женщин в политическую и экономическую деятельность [11. С. 60-66].

В России и постсоветском пространстве женское депутатское присутствие развивается на фоне сложной историко-политической традиции. Постсоветский период дал сильный толчок развитию женских организаций и расширению политических прав женщин, что находит отражение в деятельности женских союзов и депутатов Государственной думы [21. С. 107-115; 26; 23]. При этом исследование показывает существование определенных барьеров и необходимость совершенствования законодательной базы в части гендерного равенства.

Руанда и Европейский Союз представляют собой интересные примеры в контексте участия женщин в парламентах, демонстрируя разные, но взаимодополняющие модели повышения женского представительства в законодательных органах [5].

В Руанде вопрос гендерного равенства в политике стал одним из приоритетов после трагических событий 1994 года. Восстановление страны потребовало коренных изменений в социальной и политической структуре, где женщины получили уникальный шанс стать активными участниками процесса реформ и строительства государства. Благодаря внедрению квот на уровне парламента, женщины уже в 2003 году заняли свыше 48% мест в Палате депутатов, а в последующие годы этот показатель превысил 60% – рекордный уровень во всем мире [24. Р. 113-127]. Такого результата удалось добиться благодаря конституционным инициативам и поддержке международных организаций, а также изменению социального сознания, где женщины стали восприниматься не только как хранительницы дома, но и как лидеры и политики.

Женщины-депутаты в Руанде играют ключевую роль в принятии законов, направленных на обеспечение социальной справедливости, защите прав детей и женщин, а также развитии образования и здравоохранения. Их присутствие существенно повлияло на приоритеты законодательной повестки, включая меры против гендерного насилия и поддержку уязвимых групп населения. Политика гендерного равенства в Руанде стала стимулом для региональных и международных дискуссий о влиянии женского лидерства на устойчивое развитие и демократизацию [6. С. 19-22].

В Европейском Союзе женское представительство в парламентах государств-членов и в Европейском парламенте развивается более постепенно, но также демонстрирует устойчивый рост. Средний процент женщин-депутатов на национальном уровне в странах ЕС колеблется в районе 30-40%, что свидетельствует о постепенном повышении ролей женщин в традиционно мужских

сферах политики (5). Европейский парламент с 1979 года, когда прошли первые прямые выборы, постоянно расширяет женское присутствие, достигнув к 2020-м более 40% мест у женщин-депутатов.

В странах ЕС роль женщин-депутатов проявляется в формировании политики в сферах защиты прав человека, социальной политики, экологической устойчивости и интеграции мигрантов. Женщины-депутаты привносят новые перспективы, способствуют развитию более инклюзивных и сбалансированных решений. Важным механизмом увеличения женского представительства здесь служит законодательное регулирование квот и поддерживающие программы партий (1).

Сравнение опыта Руанды и Европейского Союза показывает две ключевые модели: быстрая институционализация женского политического участия через квотирование и культурные трансформации (Руанда) и постепенное повышение женского влияния через законодательные реформы и партийные инициативы (Европейский Союз). Обе модели подтверждают, что включение женщин в парламент не только способствует более справедливому представительству, но и позитивно влияет на качество и направленность законодательства, укрепляя демократические процессы и социальное развитие своих обществ.

Увеличение числа женщин в парламенте меняет его законодательную повестку, стиль работы и приоритеты. Женщины-депутаты чаще продвигают социальные, гендерные и гуманитарные инициативы, а также способствуют более кооперативному стилю политики (7). Женщины-парламентарии чаще выступают за: социальные реформы – расширение доступности образования, здравоохранения, поддержка материнства и детства; Гендерное равенство – законы против дискриминации, борьба с домашним насилием, равная оплата труда. Экологию и устойчивое развитие – климатические инициативы, защита природных ресурсов. Поддержку уязвимых групп – инвалидов, пожилых людей, малоимущих семей. Например, в странах Скандинавии, где доля женщин в парламенте превышает 40%, эти вопросы занимают значительное место в законодательстве [5; 24. Р. 113-127]. В Руанде (где женщины составляют более 60% парламента) были усилены меры против гендерного насилия и введены квоты для женщин в управлении. Изменения в стиле работы также заметны. Более кооперативный подход – женщины чаще стремятся к консенсусу и межпартийному сотрудничеству. Меньше агрессивной риторики – дебаты становятся менее конфронтационными. Формирование женских коалиций – даже в условиях политических разногласий женщины нередко объединяются для продвижения общих интересов.

Согласно исследованиям ООН (6), влияние женщин на повестку становится заметным при их доле в парламенте не менее 30%. В этом случае они могут: перераспределять бюджет в пользу социальных программ; вносить изменения в трудовое законодательство (гибкий график, декретные отпуска); усиливать антикоррупционные меры (некоторые данные указывают, что женщины реже вовлекаются в коррупционные схемы). Культурные и региональные различия

могут значительно влиять на роль женщин в принятии решений. Западные страны (Швеция, Канада, Германия) – женщины активно влияют на гендерное равенство, экологию и социальную политику. Развивающиеся страны (Индия, ЮАР) – фокус на борьбу с бедностью, доступ к медицине и образованию (2). Консервативные общества (некоторые страны Ближнего Востока) – даже при наличии женщин в парламенте их влияние может ограничиваться традиционными нормами.

Растущая роль женщин-депутатов в парламенте – это не только вопрос численного увеличения, но и качественного изменения политического ландшафта, направленного на расширение социально значимых инициатив и формирование более инклюзивного управления. Современные исследования опираются на междисциплинарные методы, комбинируя количественные и качественные данные, что позволяет более точно понимать механизм и последствия интеграции женщин в политические институты. Значительный вклад в литературу внесли исследования, основанные на национальных примерах, включая Японию [11. С. 60-66] Великобританию [26] и Россию [26; 23; 21. С. 107-115], что свидетельствует о масштабном и разнообразном характере данного социально-политического процесса.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- (1) Гендерная статистика ОЭСР // OECD Data // <https://www.oecd.org/gender/data/>.
- (2) Гендерные квоты // International IDEA // <https://www.idea.int/>.
- (3) Данные о представительстве в ЕП // European Parliament // <https://www.europarl.europa.eu/>.
- (4) Исследования социально-экономического развития // РАНХиГС // <https://www.ranepa.ru/>.
- (5) Межпарламентский союз (данные о представительстве) // IPU Parline // <https://data.ipu.org/>.
- (6) Отчеты о влиянии женщин в политике // UN Women // <https://www.unwomen.org/>.
- (7) Региональная статистика выборов // ЦИК России // <http://www.cikrf.ru/>.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Аверина О.В. Женщины Чили вчера и сегодня // Semantic Scholar. 2006 // <https://www.semanticscholar.org/paper/e43af4dd65a4efed87a65b52a0eba84320f3645b>.
2. Афонин М.В., Кабирова А.Ш., Поданев Д.А. Политические партии как субъект общественно-политических отношений (технологии и модели политической коммуникации) // Вопросы политологии. 2024. № 12.

3. Бадмацыренова Е.Л., Доржиева С.В. Теоретические модели политического участия женщин // Власть. 2019. № 4 // <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/vlast/article/download/6626/6528>.
4. Бобровская Е.В. «Государственный феминизм» в СССР: особенности гендерного (не)равенства в Советской России // Вестник МГОУ. 2020. № 4 // <https://vestnik-mgou.ru/Articles/Doc/13927>.
5. Болдырева Е.Л., Вожегов И.А., Дробитько Е.С. и др. Актуальные проблемы современной европейской политики: коллективная монография. СПб., 2024.
6. Болдырева Е.Л., Гришина Н.Ю. Влияние интернета на трансформацию политической системы Исландии / Интернет и современное общество: Сборник тезисов докладов: Труды XX Международной объединенной научной конференции, Санкт-Петербург, 21-23 июня 2017 года / Университет ИТМО. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики, 2017. EDN XWGBSX.
7. Борисов В.А., Синельников А.Б., Архангельский В.Н. Правовые и нравственные аспекты искусственного прерывания беременности // Демографическое обозрение. 2021. № 8 // <https://demreview.hse.ru/article/view/12782>.
8. Галиев Ф.Х., Крижановская Г.Н., Сальников М.В. Legislation and Public Thought of the Russian Empire // Правовое государство: теория и практика. 2022. № 2 // <https://pravgos.ru/index.php/journal/article/download/573/413>.
9. Заславский С.Е., Лукушин В.А. К вопросу оценки эффективности современных избирательных систем: правовые рамки и политические практики // Вопросы политологии. 2025. № 4.
10. Козин А. Сравнительный анализ национальных моделей использования больших данных в электоральном процессе развитых стран в 2017-2022 гг. // Вопросы политологии. 2024. № 6.
11. Кузьменко Н., Воробьева Н., Хованчук О. Роль женщин в социально-экономическом развитии современного японского общества // Экономика и предпринимательство. 2021. № 2.
12. Макаренко Б.И., Петров И.И. Динамика политического спектра европейских партийных систем (1990-2021) // Полис. 2023. № 1.
13. Мамаев Э. Сравнительная характеристика программ по социальному вопросу политических партий: КПРФ, «Новые люди» «Справедливая Россия», ЛДПР // Вопросы политологии. 2024. № 8.
14. Медведева В.К. Электоральная активность и политическое участие: вопросы теории и практики // Вопросы политологии. 2013. № 3 (11).
15. Медведева В.К. Российские выборы в контексте ценностей современной демократии // Вопросы политологии. 2014. № 3 (15).
16. Медведев Н.П. Партийные системы и законы Дюверже: к вопросу о теории и практике // Вопросы политологии. 2024. № 6.

17. **Медведев Н.П., Слизовский Д.Е.** Электорально-политическая конкуренция: аналитический обзор научных публикаций (часть первая) // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2024. № 10.
18. **Медведева В.К., Майстат М.А.** Избирательные технологии в современном электоральном процессе // Региональное и муниципальное управление: вопросы политики, экономики и права. 2024. № 1.
19. **Сидорова Г.М.** Электоральная активность, гражданский и политический активизм как формы гражданского участия, являющиеся основой современного демократического общества // Вопросы политологии. 2025. № 1.
20. **Стаценко И.М.** Партийная конкуренция в современной демократии: общие характерные тренды и некоторые частные партийные проекты // Вопросы политологии. 2024. № 8.
21. Халилова А., Гаджиева З. Женские общественные движения как форма участия в общественно-политической жизни России на рубеже XX-XXI веков (на примере Республики Дагестан) // Bulletin Social-Economic and Humanitarian Research. 2022. № 16 (18) // https://zenodo.org/record/7425972/files/Download_Khalilova_Amina.PDF.
22. **Чемшит Д.А.** Кризис политического участия как форма дисфункции политической системы // Вопросы политологии. 2024. № 5.
23. Golovinov A.V., Golovinova Y.V. The Issues of Realization of the Political Rights of Women in Russia // Известия АлтГУ. 2022. № 3 // [http://izvestiya.asu.ru/article/download/\(2017\)3-05/2659](http://izvestiya.asu.ru/article/download/(2017)3-05/2659).
24. **Kowalska M.** Wybrane aspekty ewolucji prozy kobiet – dwa pokolenia // Rusycystyczne Studia Literaturoznawcze. 2020. № 30. <https://doi.org/10.31261/RSL.2020.30.07>.
25. Norris P. Women Politicians: Transforming Westminster? // Parliamentary Affairs. Volume 49, Issue 1, January 1996 // <https://doi.org/10.1093/oxfordjournals.pa.a028675>.
26. Vetrenko I.A. The Effectiveness // <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=45411149s> of the State Duma Women-Deputies // European Investigator Journal // <https://www.ejournal.ru/jour/article/download/912/365>.

N.YU. GRISHINA

Independent Researcher,
Moscow, Russia

E.L. BOLDYREVA

Postgraduate Student, Peter the Great St. Petersburg
Polytechnic University, St. Petersburg, Russia

THE POLITICAL INFLUENCE OF WOMEN PARLIAMENTARIANS: FROM QUANTITATIVE GROWTH TO QUALITATIVE SHIFTS IN LAWMAKING (CASE STUDIES OF THE UK, JAPAN, RUSSIA, RWANDA, AND THE EU)

This article examines the growing role of women parliamentarians as a factor driving qualitative transformation in the political process. Based on a comparative analysis of cases from the UK (35%), Japan (12.5-22.6%), Russia (19.7%), Rwanda (>60%), and the EU (30-40%), it identifies key trends and regional specificities. The study, utilizing an interdisciplinary methodology, demonstrates that the level of women's representation is determined by a complex interplay of factors: institutional mechanisms (legislative quotas, electoral systems), sociocultural barriers (patriarchal norms, media stereotypes), and structural constraints (double burden, campaign financing).

The main finding is that achieving a critical mass of women (~30%) in parliament leads to the following significant shifts:

- a shift in the legislative agenda towards prioritizing social issues (education, healthcare, family support), gender equality (combating discrimination, violence), environmental protection, and safeguarding vulnerable groups;

- a transformation in parliamentary working style: increased cooperativeness, reduced confrontationalism, and the formation of cross-party women's coalitions (particularly evident in Rwanda and Scandinavia);

- resource reallocation: influence on budgetary priorities and labor legislation (flexible schedules, parental leave).

The study proves that the scale and effectiveness of women parliamentarians' influence vary significantly depending on the regional cultural-historical context (contrast between Rwanda/EU and Japan/Russia) and institutional support (effectiveness of quotas, party programs). Women parliamentarians act as catalysts for the transition towards more inclusive and socially-oriented governance.

Key words: *women parliamentarians, gender representation, parliament, legislative agenda, political influence, gender representation specificities.*